

Алексей КОЛЕСНИКОВ

Алексей Колесников родился в 1993 году в Белгороде. Работает юристом. Публиковался (рассказы и эссе) в журналах «Дружба народов», «Нева», «Новый берег», «Дон», «Вопросы литературы», «Новая Юность», в альманахе «Рукопись». В «Волге» публикуется впервые.

НА РЫНКЕ

Рассказ

Утром пес Космос, оторвав ремешок от будки, убежал со двора. Его искали по окрестностям; дошли до самого пруда, но безрезультатно.

– Сдохнет, – сказала мать. – Никогда раньше не отвязывался, гад такой! Или собаки загрызут, или кто-нибудь пристрелит. Ладно, ехать надо. Вспотела я вся.

В дороге Илья думал о том, что, конечно, Космос выживет, но почему он выживет – этого Илья придумать не мог. Впрочем, вскоре он увлекся картинками над лобовым стеклом автобуса и как-то, не по-товарищески, забыл о псине.

Два часа с небольшим они ехали из деревни в город на пазике, потом еще два часа по городу на троллейбусе, с двумя пересадками и потом от остановки «Стадион» шли пешком; Илья стеснялся держать мать за полную теплую руку, но когда переходили дорогу, как-то нечаянно ухватился за нее, думая: «Пот смешался».

Ветра почти не было; выходя их тени от зданий или деревьев, люди как бы пугались солнечной мощи, поэтому начинали идти медленно, точно крадучись.

Как много в городе уродливых людей, думал Илья. Каждый со своим дефектом: у этого покореженные черные ногти (зачем сандалии?), у этой вон родинка у глаза болтается на ниточке, можно играть ею как ёлочной игрушкой. Встречаются и горбатые, есть с отслаивающейся кожей на руках, и с вмятыми носами встречаются. Все одеты расхлябано: у мужиков голые толстые руки, а у женщин короткие платья, даже у старых. Много белых потрескавшихся пяток с грязными ручейками. Иногда встречаются молодые, но их мало; они одеты в рубашки и носят очки. Видимо, вышли пообедать.

В центре города пахнет горелым жиром и булками. У входа в рынок к этому аромату примешиваются табачная вонь, человеческая и резиновая. Кое-где пахнет кофейными зернами и цветами.

Мать, только войдя на рынок, сразу задержалась у солнцезащитных очков, поэтому Илья, от нечего делать, стал рассматривать тетку в лосинах, которая сидела на хлипком стуле, расставив ноги.

Затянувшись сигаретой, она вопросительно кивнула: «Чего тебе?»

Илья пожал плечами: ничего, мол.

В этот момент он решил, что хорошо бы, когда вырастешь, стать продавцом. Ведь здорово: сидишь целый день среди разнообразного народа и думаешь о чем-то своем. Музыка все время звучит как в ДК. От скуки можно хлебать кофе. Однако кофе родители Илье еще не разрешали, но он представлял вкус: сладкий-сладкий. А еще он подумал, что хорошо бы выпросить у матери новый футбольный мяч, а то Космос прогрыз старый со звездами. Кобель паршивый.

Мать окликнула его:

– Чего рот раззявил? Идем! Двенадцатый час уже!

Они долго толкались в тесных рядах, и некоторые продавцы говорили:

– Заходите. Костюмчик на мальчика есть к школе. «Троечка». Можно отдельно брючки, отдельно пиджачок.

Или по-другому:

– Женщина, подходите. Платье на вас посмотрим. Большие размерчики есть. Турция.

– Спасибо, – отбивалась мать, а шепотом добавляла: «Знаю я вашу Турцию».

Они приехали за костюмом для матери. К ним в больницу придут с телевиденья снимать репортаж про директора, которая в этом году родила четвертого ребенка. Мать Ильи, как самую сообразительную медсестру, попросили подготовить «несколько слов» на камеру. По этому случаю решено было сделать прическу и купить приличный костюм, который потом можно будет и на планерку надеть, и вообще, таскать на работу, когда не жарко.

Илье идти в школу на следующий год, поэтому никакой костюм ему не нужен еще, но осеннюю куртку посмотреть планировали. Хотя и не сезон.

Они долго раздумывали возле худой девушки в джинсовой юбке, которая уверяла мать Ильи, что оранжевый костюм с красными цветами потянется – и уже на вторую носку будет сидеть «как верхняя кожа». Мать уверяла, что в пиджаке руки не скрестить и что пуговичка на юбке не сходится. Продавщица упрямо уверяла, невероятно глубоко прогибаясь в спине:

– Это от жары. Вы вспотели вся, вот юбка и не сходится. А дома спокойно померяете натошак, и все на вас, женщина, сядет как влитое. А пуговичку можно и не застегивать. Можно перешить еще.

Было видно, что матери хочется купить костюм, но в то же время было ясно, что ходить она в нем не сможет. Мал – и все тут, стервец синтетический!

Выбрав момент, мать кивнула сыну: мол, ну как?

Илья честно помотал головой отрицательно.

– Нет, – сказала мать. – Пойду я еще посмотрю.

Продавщица вздохнула, жалея потраченное время, а мать ушла за дырявую ширму переодеваться. Илья отвел глаза.

– Вы приходите, – попросила на прощание продавщица, закуривая. – Ничего лучше с вашей комплекцией не найдете.

– Подойдем, – сказал мать, но было ясно, что не подойдут.

Потом они съели по беляшу и выпили лимонада (мать купила бутылочку и два пластиковых стаканчика). Илья, допив сладкий «Курский лимонад», отдающий содой, еще долго жевал стаканчик, пока мать чуть ли не с зубами выдрала его и швырнула в переполненную урну. Стаканчик ударился и отлетел – Илья засмеялся.

Скоро послышался протяжный вой седого мужика с тележкой:

– Чай-кофе, чай-кофе, пирожки.

Он рекламировал сначала бодро, а потом, объехав тот ряд, где Илья с матерью застряли, стал филонить. Илья посторонился, прижавшись к высокомерному манекену, одетому лишь в трусы и в бусы, чтобы мужчина проехал. Мать между тем примеряла юбку, к которой жилистый армянин-продавец с курчавыми руками обещал подобрать блузку и «под глаза платок».

– И пиджак никакой не нужен тебе. Блузка бери и все. У тебя формы для блузка.

Илья заскучал. Бабка, перебирающая черными от загара пальцами фасоль в стаканчике, сидела напротив и что-то напевала. Помимо фасоли она продавала шиповник, терн, капусту, лук и какой-то цветок в горшке.

К ней подошел молодой парень в черном спортивном костюме.

– Маша, – обратился он к старухе. – Тебе котенок не нужен?

– На шо он мне?

– Будете вместе квасолю лущить.

Старуха махнула рукой, парень засмеялся, а потом закашлялся. Илья с интересом выслушал его рассказ про то, что какой-то Гоша Челнок обнаружил утром под лавкой белого котенка, которого теперь необходимо накормить. У котенка синие глаза, но один

глаз – левый – заплыл гноем. Парень звал старуху посмотреть, но она, точно прослушав весь рассказ, только сказала:

– Мухи кусючие, как черти.

– Сосиську отнесу, – объявил парень, расстегнул олимпийку. У него была мокрая волосатая грудь. Он почесал ее и убежал с ряда.

Илья глянул на мать, которая в лифчике за простыней вертела блузку, похожую на салфетку, постоял немного в нерешительности и пошел наконец смотреть на котенка.

На удивление, котенок был откормленным и совершенно не грязным. Лениво он подкусывал краем челюсти какую-то кровавую гадость, помогая себе испачканной лапой. Мурчал. В деревне такое зрелище на каждой помойке.

Разочарованный Илья побрел обратно, натываясь на внезапно стопорящихся посреди дороги теток. Он ориентировался на манекен с грудью в синих трусах и красных бусах, но везде ему встречались совсем другие манекены.

Илья прошел весь ряд и уже понял, что кудрявый дед, отчищающий от голубых джинсов пятнышко, приметил его. Это успокаивало.

Решив спокойно поразмыслить, Илья постоял некоторое время возле палатки с женскими купальниками, а потом, ничего не решив, отшатнулся в сторону – ему мешали какие-то пацаны с велосипедным колесом.

Сильно он не паниковал сначала, но когда из-за очередного поворота показалась не попадавшаяся раньше палатка: «РАСПРОДАЖА ШУБ И ДУБЛЕНОК» («ПЫЛЬНЫХ» – захотелось приписать Илье), страх без спросу разбежался миллионом муравьев по организму; руки прилипли к карманам шорт, а глаза запекло как от спирта.

Отчаявшись, Илья выискивал понимающий взгляд доброго человека, но взгляд такой куда-то запропастился, видимо, в какую-то добрую книжку слинял. Из всех сторон на Илью смотрели лишь равнодушные глаза торгашей, переполненные заваркой и табачным дымом. Ревела бодрая музыка, поэтому люди переговаривались, повышая голос до хрипоты.

Быстрее, чем хотелось (сандалии сами несли), он направился к выходу с рынка. Рассматривая всех сразу и никого конкретно, Илья дошел до продуктового отдела и встал подумать возле свиной вырезки – от нее веяло холодком. Он было решил спросить помощи у мужика в сомбреро, который продавал разноцветные, похожие на карту пустыни специи, но тот заболтался с молодым напарником о том, что земля без дождей пересохла. Илья все ждал, когда они закончат, но мужик, оборвав свой бестолковый рассказ, непонятно чему усмехнулся, а потом сказал:

– Пойду в туалет.

Мать кинется на поиски, думал Илья, и они непременно разминутся; она, не найдя его, уедет за отцом и вернется только на следующий день, а он, Илья, видимо, останется на этом рынке. Будет с тем сытым котом сражаться за пищу, а потом переночует под прилавком с овощами. Подумав так, он ощутил голод.

Дернувшись от плеч до пяток, он опрометью рванул в самую, как ему казалось, гущу рынка. Ничего он уже не видел вокруг, всех расталкивал, шептал детские проклятья, веря, что случится, обязательно самой собой случится счастье – мама выйдет из-за очередного поворота или огромный метеорит рухнет на солнце и все это закончится.

Курсируя между рядами, он видел одно и то же и слышал одно и то же. Запахи все давно перемешались, превратившись в неразделимую пряную вонь, лишь кое-где разбавленную резиной от покрышек и кед. Там, где Илья оставил маму, пахло кукурузой, но где это место?

Плохо соображающий, нервный, Илья вдруг заметил седого мужика с тачанкой, который рекламировал «чай-кофе». Он подбежал к нему и спросил:

– Где тут дядька нерусский юбками торгует?

Седой не опуская головы, глянул себе по ноги и сказал:

– Они тут везде.

– А тетка с кукурузой?

– И они везде, – отозвался мужик.

Илья пнул мужика в толстую брючину носком сандалика, вскрикнул и убежал в сторону того ряда, где блестели звонки велосипедов. Он бежал и проклинал себя за беспечность, молился богу, повторяя некоторые такие слова, какие говорила бабушка во время молитвы, вернее, не слова даже, а звуки, потому, что никогда нельзя было разобрать, чего там бабушка говорит иконе. Отчаянный вопль ломился наружу из груди, но Илья не смел плакать, потому что слезы его были никому не нужны, а самому для себя плакать не хотелось. Ему казалось, что хоть со слезами и уйдет мука из груди, но и сила тоже уйдет.

Устав, он пошел по рядам, никому не уступая дорогу. Взрослые, все как один развернутые к нему задом, вздрагивали от злых тычков рук. Илья решил, что найдет место с тенью и будет ждать, пока закроется рынок, а потом, когда явятся его выгонять, он сам прогонит явившихся; будет сидеть на одном месте, пока не умрет от голода. Гордый.

На самом деле Илья потерялся минут на десять. Ему же казалось, что он бродил по опостылевшему рынку несколько часов. Такое впечатление усилилось, когда солнце ушло за тучи, и рынок потемнел.

Завернув на ряд, где продавались в основном детские вещи, он увидел мать, одетую в сиреневый костюм с белыми ромбами. На плечах, будто погоны, у нее дрожали гигантские перья. Она вертелась у зеркала, а продавец, почесывая влажную шею, обещал подобрать к платью туфли на танкетке.

– Тебе как, Илюх? Братъ это или то – второе?

Будто теплой пыли насыпали Илье в горло. Мать ждала ответа, но Илья отвернулся, будто оглох. Голова отсырела от сдержанных слез; ему даже на миг показалось, что он не справится и заплачет, но нет, он вздохнул и успокоился.

Никто во всем мире не заметил, что Илья пропал – теперь это ясно. Никто не был в этом виноват, никто не пытался его воспитывать – не заметили просто, и все тут. Потом бы мать кинулась, конечно; полиция бы подключилась, и собаки бы взяли след. Но этого не случится, потому что Илья сам пропал и сам нашелся.

Сначала ему было себя жалко, потом сделалось смешно, а потом заклокотало в желудке от голода. Он крикнул матери:

– Скоро? Я есть хочу!

Мать глянула на Илью так, как в тот раз, когда он впервые обрезал сам ногти, и сказала:

– Сейчас идем, сыночка. Переодеваюсь уже.

Выбравшееся из-за туч солнце обрушилось на Илью – он сощурился, отвернулся и до боли стал тереть ладонью веки. В этот самый момент он понял, что не испугается больше никогда.